

Научная статья

УДК 94(470.620) "1920/1921"

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.14>

ОТ ВОЕННОГО КОММУНИЗМА К НОВОЙ МОДЕЛИ ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ: ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕХОДНОГО ПЕРИОДА КУБАНСКОЙ СТАНИЦЫ 1920–1921 гг.

Юрий Асланбиевич Яхутль

Кубанский государственный университет (д. 149, ул. Ставропольская, Краснодар, 350040, Российская Федерация)
Доктор исторических наук, доцент
a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Аннотация. Введение. Реформы большевиков в начале 1920-х гг. остаются в центре научных исследований, так как сохраняют свою теоретическую и практическую значимость. Целью статьи является анализ содержания переходного периода от военного коммунизма к новой экономической модели хозяйствования, которая стала новым уровнем в становлении политических и экономических процессов в Советской России. Историография темы представлена отечественными и зарубежными исследованиями. В ней выделяют четыре этапа: первый (1920-е гг.); второй 1930-е – первая половина 1950-х гг.; третий (1950-е – вторая половина 1980-х гг.) и постсоветский (1990-е гг. по настоящее время), каждый из которых отличается своими идеологическими особенностями. **Материалы и методы.** В статье применяются различные методы и принципы научного исторического исследования: принцип объективности и историзма; сравнительно-исторический, нарративный методы и концепция «новой локальной истории». Исследование основано на архивных делопроизводственных документах. Новизна исследования заключается в изучении малоизвестных фактов политики РКП(б) в отношении сельского населения Кубано-Черноморской области при переходе от военного коммунизма к нэпу в 1920–1921 гг. **Анализ.** Состояние аграрного сектора экономики региона оказывало существенное влияние на содержание реализуемой политики большевиков, которые инициировали новые методы и формы взаимодействия с крестьянством и казачеством. На региональном уровне они

приобретали характерные черты в организации землеустройства и выборов в Советы. В 1920 – 1921 гг. продовольственная политика в регионе принципиально не отличалась от той, которая была реализована на остальной части Советской России, поэтому она стала одной из причин конфликта между большевиками и сельским населением. **Результаты.** Установлено, что казачья область пыталась сохранить традиционные формы землепользования, самоуправления и возможность самостоятельно распоряжаться произведённой продукцией, что встречало активное противодействие со стороны РКП(б). В условиях смены парадигмы военно-политического кризиса был частично преодолён с принятием новой продовольственной политики.

Ключевые слова: большевики, военный коммунизм, новая экономическая политика, Кубань и Черноморье, сельское население, казачество, переходный период

Для цитирования: Яхутль Ю. А. От военного коммунизма к новой модели хозяйствования: проблемы переходного периода кубанской станицы 1920–1921 гг. // Гуманитарные и юридические исследования. 2026. Т. 13. № 2. С. 290–296. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.14>

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию: 24.01.2026

Статья одобрена после рецензирования: 18.04.2026

Статья принята к публикации: 03.05.2026.

Research article

FROM WAR COMMUNISM TO A NEW ECONOMIC MODEL: PROBLEMS OF THE TRANSITION PERIOD OF THE KUBAN VILLAGE OF 1920–1921

Yury A. Yahutl

Kuban State University (149, Stavropol St., Krasnodar, 350040, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Associate Professor
a075ca@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0002-6750-4110>

Abstract. Introduction. The Bolshevik reforms in the early 1920s remain at the center of scientific research, as they retain their theoretical and practical significance. The purpose of the article is to analyze the content of the transition period from war communism to a new economic model of management, which became a new level in the formation of political and economic processes in Soviet Russia. The historiography of the topic is represented by domestic and foreign studies. There are four stages in it: the first (1920s); the second 1930s – the first half of the 1950s; the third (1950s – the second half of the 1980s) and the post-Soviet (1990s to the present), each of which has its own ideological characteristics. **Materials and methods.** The article uses various methods and principles of scientific historical research: the principle of objectivity and historicism; comparative historical, narrative methods and the concept of “new local history”. The research is based on archival records.

The novelty of the research lies in the study of little-known facts of the policy of the RCP(b) towards the rural population of the Kuban-Black Sea region during the transition from war communism to the NEP in 1920–1921. **Analysis.** The state of the agrarian sector of regional economy had a significant impact on the content of the implemented policy of the Bolsheviks, who initiated new methods and forms of interaction with the peasantry and the Cossacks. At the regional level, they acquired characteristic features in the organization of land management and elections to Councils. In 1920–1921. The food policy in the region was not fundamentally different from that implemented in the rest of Soviet Russia, which is why it became one of the causes of conflict between the Bolsheviks and the rural population. **Results.** It has been established that the Cossack region tried to preserve traditional forms of land use, self-government and the ability to independently manage its products, which met

with active opposition from the RCP(b). In the context of a paradigm shift, the military-political crisis was partially overcome with the adoption of a new food policy.

Keywords: Bolsheviks, war communism, new economic policy, Kuban and the Black Sea region, rural population, Cossacks, transition period

For citation: Yahutl YuA. From war communism to a new economic model: problems of the transition period of the

Kuban village of 1920–1921. Humanities and law research. 2026;13(2):290–296. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2026.2.14>

Conflict of interest: the author declares no conflict of interests.

The article was submitted: 24.01.2026

The article was approved after reviewing: 18.04.2026

The article was accepted for publication: 03.05.2026.

Введение. В истории Советской России 1920–1921 гг. отмечены началом значительных экономических, политических и социальных преобразований, которые во многом определили содержание взаимоотношения большевиков с обществом в последующее десятилетие. Изучение практики переходного периода от военного коммунизма к новой экономической политике востребовано с точки зрения преодоления конфликта власти и общества посредством как экономических, так политических мер. Кроме того, оценка регионального измерения перехода от военного коммунизма к нэпу одно из направлений в отечественной историографии, позволяющее более объективно и разносторонне оценить Советскую Россию начала 1920-х гг.

Цель представленного исследования – установить региональные особенности переходного периода от военного коммунизма к новой экономической политике в казачьем регионе юга России. Хронологические рамки охватывают период: март 1920 г. – март 1921 г., то есть с момента окончательного установления советской власти в регионе и до принятия решений на X съезде партии большевиков о переходе к продналогу.

Кубано-Черноморская область отличалась высоким уровнем товарности казачье-крестьянских хозяйств. В довоенное время она поставляла на всероссийский рынок до 217 млн пуд. хлеба. Однако Первая мировая и Гражданская войны оказали негативное влияние на уровень экономического развития региона, в первую очередь сельского хозяйства, чей валовой продукт в 1920 г. составлял лишь 58 % к до военному уровню [1, с. 91]. Весна 1920 г. для Кубано-Черноморской области ознаменовалась окончательным установлением власти большевиков. Казачий регион с характерными формами землепользования и самоуправления оказался в центре острого противостояния РКП(б) и сельского населения, в основном из-за продовольственного вопроса. Признавая факт доминирования в землепользовании казачьей общины, большевики на начальном этапе советской власти отказались от насильственных мер по реформированию земельных отношений. При этом стали активно насаждать революционные органы власти – ревкомы, выступавшие главной политической силой в кубанской станице. Эти факты в совокупности с сословными противоречиями определили характерные особенности переходного периода в Кубано-Черноморской области. Особенностью стало сохранение военно-коммунистических методов, характерных для

Гражданской войны, которые в сочетании с новыми реалиями формировали очередные элементы противостояния.

Проблема переходного периода от военного коммунизма к нэпу нашла своё отражение в отечественной и зарубежной историографии в контексте изучения нэпа. Традиционно выделяют четыре этапа в исследовании политики большевиков 1920-х гг. Первый этап (1920-е гг.) отличается накоплением фактического материала и публикациями непосредственных инициаторов и участников реформ, чьи работы отличались своей политической ангажированностью [24, 25, 26, 31, 33, 38]. 1930-е – перв. пол. 1950-х гг. отмечены снижением научного интереса к обозначенной теме. Отечественные историки рассматривали нэп как вынужденную, временную меру с целью преодоления последствий Гражданской войны, экономического кризиса и противостояния с классовыми врагами советской власти [5, 20, 27]. Третий этап (1950-е – втор. пол. 1980-х гг.) отличается возросшим интересом к нэпу, в том числе на региональном уровне [3, 30, 42]. Для постсоветского периода (1990-е гг. по настоящее время) характерно формирование плюрализма исторических концепций и альтернативного развития общества начала 1920-х гг. [1, 2, 23, 32]. Доступными стали исследования иностранных историков, которые акцентируют внимание на конфликт большевиков с сельским населением [4, 21]. При том, что у исследователей появилось больше возможностей работать с новыми архивными документами, экономические и социальные аспекты переходного периода постепенно стали пропадать из поля зрения историков. Необходимо отметить также работы С. А. Павлюченкова, посвящённые политике военного коммунизма, в которых дана развёрнутая характеристика идеям большевиков по ускоренному строительству социализма [28, 29]. Она активно применялась в годы Гражданской войны и нашла своё продолжение после её завершения, формируя новые очаги противостояния большевиков, по большей части, с сельским населением, даже в условиях провозглашённой новой продовольственной концепции в марте 1921 г. на X съезде РКП(б).

В представленной статье предпринята попытка анализа основного предмета конфликта в аграрном регионе – владение землёй и результатами труда сельского населения. Этот процесс обладал региональными особенностями и приобрёл форму острого военно-политического конфликта, выразившегося в противостоянии бело-зелёного движения и советской власти.

Материалы и методы. В ходе исследования использовался широкий круг научных инструментов, позволивших раскрыть содержание и последствия политики большевиков на региональном уровне при переходе от военного коммунизма к новой экономической политике. Традиционные методы: сравнительно-исторический, нарративный и принципы объективности и историзма способствовали воссозданию исторических событий на Кубани и Черноморье 1920–1921 гг. Концепция «новой локальной истории» позволила установить региональные особенности переходного периода.

Источниковая база исследования опирается на массив материалов из архивных фондов Краснодарского края – Государственный архив и Центр документации новейшей истории Краснодарского края, а также опубликованных сборников документов [34, 35, 36, 37]. Следует отметить, что часть документов содержит противоречивую информацию, которая не соответствует итоговым отчётным документам партийных и хозяйственных органов Кубани и Черноморья.

Использованы нормативно-правовые акты, документы партийных и хозяйственных органов, содержащие решения о продовольственной, земельной политике и выборам в Советы. Дело-производственные документы включают в себя отчётные материалы, которые позволили оценить социально-экономическую и политическую ситуацию в регионе в рассматриваемый период. Статистические материалы содержат информация о состоянии региональной экономики на различных этапах реформ.

Анализ. На территории Кубани и Черноморья весной 1920 г. областной революционный комитет стал активным проводником политики военного коммунизма. Однако особенности исторического развития региона стали оказывать существенное влияние на её реализацию. Аграрный регион, в котором доминировало казачество как привилегированное сословие, сдержанно отреагировало на советскую власть, заняв выжидательную позицию. При том, что в кубанской станице сохранялось противостояние между казаками и иногородними крестьянами, выступавшими основными арендаторами земель. Утверждение руководства ЦК РКП(б) о том, что экономика региона не пострадала от войны, тоже не соответствовало действительности. Так, если в 1916 г. посевные площади охватывали 3 222 000 дес., а собирали 203 170 000 пуд. зерна, то в 1920–1921 гг. эти показатели соответственно составили 1 611 929 дес. и 48 493 896 пуд. Для обеспечения населения области необходимым количеством продовольствия, то есть на 2 166 153 сельского населения из расчёта 16 пуд. на одного человека требовалось 34 637 448 (34 658 448) пуд. зерна; для 490 000 городского населения – 6 860 000 пуд. (7 840 000) [14, л. 71 об]. Следовательно, разница между собранным

урожаем и потребностями области в 6 996 448 пуд. способствовала формированию продовольственного кризиса. Местный областной ревком вынужден был признать «истощение» сельскохозяйственных сил [7, л. 2].

Критическая ситуация с продовольствием и дополнительный проднаряд вели к росту напряжённости в кубанской станице, усилению межсословных противоречий. В информациях, поступающих с Черноморского округа, звучали тревожные ноты о состоянии с продовольственным обеспечением: «В Сочинском районе продовольственное положение катастрофическое», «В Туапсинском районе с продовольствием обстоит дело до сих пор плохо. Продукты, полученные по нарядам на исходе и получить в скором будущем времени, не предвидится» [41, л. 1]. Для сбора продовольствия и сохранения стабильности в регионе большевики на начальном этапе вынужденно воздержались от активных силовых и административных мер воздействия на сельское население, но потребовали установить жёсткий контроль за запасами хлеба. Однако избежать «бессистемных арестов, грубого обращения при обысках» не удалось [41, л. 1 об]. Военные части стали активно участвовать в работе при развёрстке хлеба. Отличились особый отдел IX армии, сотрудники ЧК, которые совместно с батальонами особого назначения проводили в станицах повальные обыски.

«Боевой задачей» считалось выполнение плана продразвёрстки и подготовка к новой. Для успешного выполнения этой задачи вели агитацию и использовали премиальную систему: выполнявшие наряд станицы могли получить мануфактуру, соль, мыло и другие необходимые товары [40, л. 1 об]. Однако и с обеспечением станиц и сёл товарами первой необходимости существовали серьёзные проблемы, обусловленные не только их дефицитом, но и ценами. Например, сапоги стоили 7 000–20 000 р., один аршин ткани от 350 р. до 2 000 р., в то время как фиксированная закупочная цена на один пуд зерна составляла 23 р. Но даже в таких условиях казаки и крестьяне готовы были примириться «со всякой обстановкой лишь бы нам взамен наших продуктов дали необходимые нам товары, одели бы семью, не касались бы наших хозяйств, и мы спокойно будем обрабатывать свой кусок земли, давая нужную долю для нужд России» [8, л. 14].

Решение СНК РСФСР о трудовых наделах в бывших казачьих регионах положительно сказалось на взаимоотношении большевиков с казачеством, но сохранило напряжённость в среде сельского населения. Иногородние, арендовавшие большую часть обрабатываемой земли, и беднейшая часть кубанской станицы выражали своё недовольство, стремясь провести перераспределение земли [35, ст. 483]. Это противостояние явно выразилось в событиях лета 1920 г.,

когда большевики из-за нарастающего продовольственного кризиса вынуждены были активизировать продразвёрстку.

Региональное руководство РКП(б) стало активно формировать ревкомы, состоявшие из демобилизованных красноармейцев и крестьяниногородних, выступая инициатором по организации сельскохозяйственных коммун и первичных партийных организаций в кубанской станице. Первоочередной задачей РКП(б) весной 1920 г. было убедить население Кубано-Черноморской области в устойчивости политической системы и мобилизации средств на восстановление хозяйственной жизни. Поэтому большевики активно приступили к учреждению «революционных органов», во главе которых в обязательном порядке были члены партии. В области за короткий промежуток времени ревкомы сформировали практически во всех населённых пунктах. Например, в Майкопском отделе ревкомы существовали во всех 105 населённых пунктах, в Тимашевском – во всех 75 населённых пунктах и т.д. [15, л. 23].

Эти меры были направлены не только на усиление властных полномочий большевиков, но и выполнение планового задания по сбору 120 млн пуд. продовольствия. Продразвёрстку, прошедшую с огромными усилиями и силовым воздействием на казаков и крестьян Кубани и Черноморья, выполнили лишь на 48,3% [34, с. 428–430]. Так, летом 1920 г. в Кубано-Черноморской области на основе централизации управления, усиления репрессивных мер воздействия в ходе продразвёрстки и формирования ревкомов как новых органов местного самоуправления большевики спровоцировали конфликт с сельским населением.

Заявления о возможности избирать кандидатов в местные органы власти на практике выражалось в делегировании полномочий бывшим красноармейцам и беднейшей части станиц, как правило, иногородним. Ситуация с красноармейцами усугублялась тем, что большинство из них были из других регионов, не знали традиций казачества, не отличались примерным поведением в быту, способствуя росту напряжённости [9, л. 21 об]. Кроме того, они оказались лояльными к идеям военного коммунизма, что соответствовало доктрине РКП(б). Региональное руководство большевиков постоянно подчёркивало и обращало внимание на то, что область, по их мнению, однородна и состав населения ничем не отличается от центральных губерний Советской России. Поэтому считало, что методы политики военного коммунизма вполне приемлемы и доступны [13, л. 77 об].

После отмены выборов в Советы, проведённых летом в станицах и сёлах Кубани, большевики назначили очередную политическую кампанию на 15 ноября 1920 г. Выборная кампания в Советы началась «мобилизацией» пар-

тийного актива большевиков, что соответствовало нормам военного коммунизма. Состав избирательных комиссий отделов и станиц, их председатели утверждались вышестоящими органами. Централизация власти и партийный контроль должен был обеспечить, по мнению большевиков, предсказуемый результат – победу депутатов-коммунистов. Работа по советизации области была объявлена «ударной». На местах председатели ревкомов совместно с секретарями партийных ячеек составляли «чёрные списки», в которые входили зажиточная часть жителей станиц, священнослужители, бывшие атаманы и др. Количество участвовавших в выборах выразилось в следующих показателях: Кавказский отдел – 136 643 избирателей, приняло участие – 33 857; Краснодарский отдел соответственно – 157 429 и 78 045; Армавирский – 240 000 и 70 000; Ейский – 99 631 и 49 514; Славянский – 171 270 и 40 434; Тимашевский – 146 006 и 18 695; Майкопский – 260 821 и 51 491; Темрюкский – 29 195 и 7 715. Низкая посещаемость избирательных собраний в Славянском, Темрюкском и Майкопском отделах объяснялась активными действиями повстанческих бело-зелёных отрядов. В работе областного съезда Советов, который начал свою деятельность 10 января 1921 г., доминировали коммунисты-депутаты – 67,3%, иногородние – 76,7%, а казаки составили 20,5% [16, л. 4].

Землеустроительные вопросы активно обсуждали иногородние, середняцкие и бедняцкие слои кубанской станицы. Из станиц поступали коллективные и индивидуальные заявления с требованиями отказаться «от обычных, традиционных методов» наделения землёй. Земельное управление областного ревкома, испытывая острый кадровый дефицит землеустроителей, вынуждено было лишь сослаться на принципы социалистического землеустройства. При этом признавало, что вопрос является «боевым». На практике же отделы Кубано-Черноморской области требовали передела полевых наделов, при чем безотлагательно. Большевики, оттягивая решение наделения участками бывших красноармейцев, возглавлявших местные ревкомы, бедняцких хозяйств, пытались предотвратить новый конфликт в кубанской станице [10, 271, 271 об]. Признавалось, что разрешение земельного вопроса на Кубани под лозунгом уравнительного землепользования не приемлемо. Существовавшие «старательные хозяйства», как их характеризовали большевики, избегая классовых стереотипов, должны были обрабатывать землю и обеспечивать рост продуктивности крестьянских и казачьих хозяйств. Острота вопроса была обусловлена наличием дефицита земельных ресурсов, которую пытались решить созданием коллективных хозяйств на бывших помещичьих угодьях. Менее чем через год на территории области было учтено 457 различного рода

коллективных формы хозяйствования, обработавших 148 560 дес. земли (4,6% от общего числа земельных угодий пригодных для посева) [19, л. 69].

Насаждение «коммунии», по мнению казачества Кубани и Черноморья, означало потерю права на землю, то есть ликвидацию права собственности на неё. Следовательно, обрабатывать земельные наделы будет некому. Голод угрожал Ейскому, Темрюкскому, Кавказскому и части Лабинского отделов. Ревкомы, состоящие в основном из тех, кто желал быстрее перераспределения земли на местах, декларировали принципы бесплатной её раздачи, способствуя росту конфликтности.

Центральным вопросом для большевиков было обеспечение городского населения страны продовольствием, о чём говорил В.И. Ленин на I Всероссийском съезде трудового казачества [26]. Продовольственный вопрос имел не только экономический, но и политический характер [18, л. 33]. Исходя из этого, в критической ситуации 1920 г. продразвёрстка на Кубани осуществлялась по отработанным методам тотального изъятия. Репрессивные меры стали нормой для кубанской станицы. Летом 1920 г. насильственные методы и активное использование воинских подразделений стало составной частью повседневности сельского жителя области. Взятие заложников из числа «зажиточных и кулацких элементов» звучало в официальных документах как директивное указание, требующее незамедлительного исполнения. Смертные приговоры приводились в исполнение в течение 48 часов [11, л. 240]. В решении продовольственного вопроса по опыту центральных губерний могли помочь комитеты бедноты. Но на юге России большевики не смогли реализовать идею об учреждении комитетов бедноты, которые в центральных губерниях выполняли функции учёта, сбора и распределения продовольствия [37, с. 335]. Однако в арсенале партийных кадров были не менее «эффективные» средства, которые использовались для «нажима на сельское население». Так, они могли устанавливать свои, местные требования, повышая сборы продовольствия, следуя «не принципу законности, а целесообразности» [22, с. 122].

Нарушение сроков сдачи продразвёрстки, а затем и продналога влекло административные меры воздействия. Административное взыскание налога с неплательщика по истечению 48 часов означало конфискацию продовольствия, скота и сельскохозяйственных орудий. Мера была исключительная, так как конфискация рабочего скота и инвентаря означало полное разорение хозяйства, поэтому она санкционировалась особым решением Ревтрибунала [12, л. 2]. Прототделы бесконтрольно распоряжались собранным зерном и продовольствием, оставляя населению только ограниченное количество. На

почве неравномерной реквизиции хлеба, фуража и скота распространялись различные провокационные слухи о советской власти и реализуемой продовольственной политике [8, л. 14]. Следует отметить, что содержание политики военного коммунизма не вызывало широкой симпатии сельского населения, но оно не разбиралось в её составляющих, а лишь реагировало на силовое ущемление экономических интересов. То есть широкой общественной поддержкой не было. Особо отмечалось антисоветское настроение казачества [36, с. 343]. Логичным последствием стало расширение повстанческого движения в регионе осенью 1920 г. – в начале 1921 г., как следствие усиления реквизиционной политики и репрессий [39, л. 81, 81 об].

Переход к нэпу весной 1921 г. не сказался радикально на продовольственной политике большевиков, но «продовольственный фронт» оставался приоритетным. Росло число бело-зелёных отрядов, которых в этот период было учтено 50 общей численностью 4 520 чел. [17, л. 12]. В целом, процесс отказа от явно выраженных военно-коммунистических методов и овладение новым порядком хозяйствования занял ещё один год. Поэтому первая реакция сельского населения на продналог была сдержанной. Работники партийных, советских и продовольственных органов продолжали использовать методы принуждения как наиболее эффективные при сборе продовольствия. Военно-коммунистическая практика способствовала росту эскалации социального конфликта. Часть сельского населения Кубани и Черноморья отказывалась выполнять продовольственный наряд, на что государство реагировало усилением репрессивных мер. Кроме того, использовали меры экономического принуждения, что явно противоречило новым принципам хозяйственной деятельности.

Результаты. В ходе исследования пришли к следующему заключению. 1920 г. для Кубано-Черноморской области ознаменовался не только утверждением политической власти большевиков, но и включением в процесс неопосредованного строительства бесклассового общества. В станицах и сёлах Кубани формировались ревкомы и первичные партийные структуры РКП(б), состоявшие в большинстве из бывших «иностранцев» красноармейцев и беднейшей части сельского населения. Отказ от активного передела земли в пользу беднейшей части кубанской станицы лишь усугубил сословные противоречия. Необходимость организации снабжения центральных губерний продовольствием вынуждала большевиков сдержанно относиться к сохранению трудовых наделов казачьих хозяйств и элементов самоуправления. Эти меры были популярны до лета 1920 г., но с началом активной продразвёрстки ситуация меняется и нарастает конфликт большевиков с

сельским населением региона. Лето 1920 г. стало переломным в продовольственной политике РКП(б) в Кубано-Черноморской области, когда нормой стало широкое применение силовых методов в сочетании с запретительными экономическими и административными мерами. По мере усиления репрессий сложилось неприятие власти и её политики большей частью казачества и крестьянства.

Таким образом, сельское население Кубано-Черноморской области от сдержанного отно-

шения к большевикам весной 1920 г. осенью перешло к активному сопротивлению. Военно-коммунистические методы в реализации продовольственной политики, в ходе выборов в сельские Советы лишь породили острый военнополитический кризис, который даже после весны 1921 г. не прекратился. Поэтому переход к нэпу это не только изменение экономического курса, но и сохранение апробированных методов периода военного коммунизма с целью удержания власти большевиками.

Литература

1. Баранов А. В. Многоукладное общество Северного Кавказа в условиях новой экономической политики. Краснодар: Кубанский государственный университет, 1999. 346 с.
2. Баранов А. В. Экономическое и социальное развитие Юга России в условиях новой экономической политики 1920-х гг. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2019. 253 с.
3. Берхин И. Б. Ленинский план построения социализма. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1960. 127 с.
4. Верт Н. История Советского государства. 1900–1991. М.: Весь мир, 2006. 559 с.
5. Гозулов А. И. Народное хозяйство Дона до и после Октября. Ростов-на-Дону: Ростиздат, 1947. 68 с.
6. Государственный архив Краснодарского края (далее – ГАКК). Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 153.
7. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 11.
8. ГАКК. Ф. Р-158. Оп. 1. Д. 42.
9. ГАКК. Ф. Р-101. Оп. 1. Д. 7.
10. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 2.
11. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 34.
12. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 73.
13. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 152.
14. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 153.
15. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 317.
16. ГАКК. Ф. Р-102. Оп. 1. Д. 372.
17. ГАКК. Ф. Р-104. Оп. 1. Д. 110.
18. ГАКК. Ф. Р-157. Оп. 1. Д. 100.
19. ГАКК. Ф. Р-60. Оп. 1. Д. 536.
20. Генкина Э. Б. Переход Советского государства к новой экономической политике (1921–1922). М.: Госполитиздат, 1954. 504 с.
21. Грациози А. Великая крестьянская война в СССР. Большевики и крестьяне. 1917–1933. М.: РОССПЭН, 2008. 135 с.
22. Диривянкина М. С. Взаимодействие РКП(б) с сельским населением Кубано-Черноморской области при переходе от военного коммунизма к нэпу (1920–1924 гг.): дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 2025. 276 с.
23. Дмитренко В. П. «Военный коммунизм», нэп... // История СССР. 1990. № 3. С. 3–26.
24. Зиновьев Г. Е. Ленинизм и НЭП. Л.: Прибой, 1926. 66 с.
25. Каменев Л. Б. Положение в стране и в партии. М.: Красная новь, 1923. 48 с.
26. Ленин В. И. Доклад на I Всероссийском съезде трудовых казаков // Ленин В. И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1977. Т. 40. С. 166–187.
27. Ноздрачев В. В. Борьба большевистской партии за оживление советов в деревне в 1924 – 1925 годах: автореф. дисс. ... канд. ист. наук. М., 1950. 13 с.
28. Павлюченков С. А. Военный коммунизм в России: власть и массы. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1997. 270 с.
29. Павлюченков С. А. Крестьянский Брест, или Предыстория большевистского нэпа. М.: Русское книгоиздательское товарищество, 1996. 298 с.
30. Поляков Ю. А. Переход к нэпу и советское крестьянство. М.: Наука, 1967. 510 с.
31. Пономарёв А. А. К характеристике расслоения северокавказской деревни. Ростов-на-Дону: Северо-Кавказское краевое статистическое управление, 1925. 90 с.
32. Роголина Н. Л. Новая экономическая политика и крестьянство // Нэп: приобретения и потери. М.: Наука, 1994. С. 139–149.
33. Рыков А. И. Деревня, новая экономическая политика и кооперация. М.: Л.: Государственное издательство, 1926. 46 с.
34. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918–1923. М.: б/и, 1924. 481 с.
35. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1920 г. Управление делами Совнаркома СССР. М.: б/и, 1943. 818 с.
36. Советская деревня глазами ВЧК-ОГПУ-НКВД. 1918–1939: Документы и материалы: В 4-х т. Т. 1. 1918–1922 гг. / Под ред. А. Береловича, В. Данилова. М.: РОССПЭН, 2000. 864 с.
37. Советы в эпоху военного коммунизма. Сборники документов. Ч. 1 / под ред. В. П. Антонова-Саратовского. М.: Коммунистическая академия, 1928. 448 с.
38. Троцкий Л. Д. Основные вопросы революции. М., Пг.: Госиздат, 1923. 421 с.
39. Центр документации новейшей истории Краснодарского края (далее – ЦДНИ КК). Ф. 1. Оп. 1. Д. 18.
40. ЦДНИ КК. Ф. 1. Оп. 1. Д. 73.

41. ЦДНИ КК. Ф. 9. Оп. 1. Д. 33.
42. Щетнёв В. Е. Из истории классовой борьбы в кубанской станице (1920–1927 гг.) // На путях к социализму (по материалам Кубани и Адыгеи). Краснодар: Краснодарский государственный педагогический институт, 1966. С. 5–36.

References

1. Baranov AV. The multicultural society of the North Caucasus in the context of the new economic policy. Krasnodar: Kuban State University, 1999. 346 p. (In Russ.).
2. Baranov AV. Economic and social development of the South of Russia in the context of the new economic policy of the 1920s. Krasnodar: Kuban State University, 2019. 253 p. (In Russ.).
3. Berkhin IB. Lenin's plan for building socialism. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1960. 127 p. (In Russ.).
4. Vert N. The History of the Soviet State. 1900, 1991. Moscow: Ves' mir, 2006. 559 p. (In Russ.).
5. Gozulov AI. The national economy of the Don before and after October. Rostov-on-Don: Rostizdat, 1947. 68 p. (In Russ.).
6. State Archive of Krasnodar Krai (GAKK). F. R-102. Inv. 1. D. 153. (In Russ.).
7. GAKK. F. R-158. Inv. 1. D. 11. (In Russ.).
8. GAKK. F. R-158. Inv. 1. D. 42. (In Russ.).
9. GAKK. F. R-101. Inv. 1. D. 7. (In Russ.).
10. GAKK. F. R-102. Inv. 1. D. 2. (In Russ.).
11. GAKK. F. R-102. Inv. 1 D. 34. (In Russ.).
12. GAKK. F. R-102. Inv. 1. D. 73. (In Russ.).
13. GAKK. F. R-102. Inv. 1. D. 152. (In Russ.).
14. GAKK. F. R-102. Inv. 1. D. 153. (In Russ.).
15. GAKK. F. R-102. Inv. 1. D. 317. (In Russ.).
16. GAKK. F. R-102. Inv. 1. D. 372. (In Russ.).
17. GAKK. F. R-104. Inv. 1. D. 110. (In Russ.).
18. GAKK. F. R-157. Inv. 1. 100. (In Russ.).
19. GAKK. F. R-60. Inv. 1. 536. (In Russ.).
20. Genkina EB. The transition of the Soviet state to a new economic policy (1921-1922). Moscow: Gospolitizdat, 1954. 504 p. (In Russ.).
21. Graziosi A. The Great Peasant War in the USSR. The Bolsheviks and the peasants. 1917-1933. Moscow: ROSSPEN, 2008. 135 p. (In Russ.).
22. Dirivyankina MS. Interaction of the Russian Communist Party(b) with the rural population of the Kuban-Black Sea region during the transition from war communism to the New Economic Policy (1920-1924): thesis. Krasnodar, 2025. 276 p. (In Russ.).
23. Dmitrenko VP. "War communism", NEP... *Istoriya SSSR*. 1990;3:3-26. (In Russ.).
24. Zinoviev GE. Leninism and NEP. Leningrad: Priboj, 1926. 66 p. (In Russ.).
25. Kamenev LB. The situation in the country and in the party. Moscow: Krasnaya Nov, 1923. 48 p. (In Russ.).
26. Lenin VI. Report at the I All-Russian Congress of Labor Cossacks in Complete works. Moscow: Politizdat; 1977. Vol. 40. P. 166-187. (In Russ.).
27. Nozdrachev VV. The struggle of the Bolshevik Party for the revival of Soviets in the countryside in 1924-1925: abstract of the thesis. Moscow: [s.n.], 1950. 13 p. (In Russ.).
28. Pavlyuchenkov SA. War communism in Russia: power and the masses. Moscow: Russian Publishing Partnership, 1997. 270 p. (In Russ.).
29. Pavlyuchenkov SA. Peasant Brest, or the Prehistory of the Bolshevik NEP. Moscow: Russian Publishing Partnership, 1996. 298 p. (In Russ.).
30. Polyakov YuA. The transition to the NEP and the Soviet peasantry. Moscow: Nauka, 1967. 510 p. (In Russ.).
31. Ponomarev AA. On the characterization of the stratification of the North Caucasian village. Rostov-on-Don: North Caucasus Regional Statistical Office, 1925. 90 p. (In Russ.).
32. Rogalina NL. New economic policy and the peasantry in Nep: gains and losses. Moscow: Nauka, 1994. P. 139-149. (In Russ.).
33. Rykov AI. Village, new economic policy and cooperation. Moscow, Leningrad: State Publishing House, 1926. 46 p. (In Russ.).
34. Collection of statistical information on the USSR, 1918 – 1923. Moscow: [s.n.], 1924. 481 p. (In Russ.).
35. Collection of laws and government orders for 1920. Administration of affairs of the Council of People's Commissars of the USSR. Moscow: [s.n.], 1943. 818 p. (In Russ.).
36. The Soviet village through the eyes of the CHEKA-OGPU-NKVD. 1918 1939: Documents and materials: In 4 volumes, vol. 1. 1918-1922. Edited by A. Berelovich, V. Danilov. Moscow: ROSSPEN, 2000. 864 p. (In Russ.).
37. The Soviets in the era of war communism. Collections of documents. Part 1. Edited by V.P. Antonov-Saratovsky. Moscow: Communist Academy, 1928. 448 p. (In Russ.).
38. Trotsky LD. Basic questions of the revolution. Moscow, Petrograd: Gosizdat; 1923. 421 p. (In Russ.).
39. The Center for documentation of the modern history of Krasnodar Krai (CDNI KK). F. 1. Inv. 1. D. 18. (In Russ.).
40. CDNI KK. F. 1. Inv. 1. D. 73. (In Russ.).
41. CDNI KK. F. 9. Inv. 1. D. 33. (In Russ.).
42. Shchetnev VE. From the history of the class struggle in the Kuban village (1920-1927) in On the way to socialism (based on the materials of Kuban and Adygea). Krasnodar: Krasnodar State Pedagogical Institute, 1966. P. 5-36. (In Russ.).